

НЕОБХОДИМОСТЬ НАПОМИНАНИЯ

С.В. ПРОЖОГИНА
Доктор филологических наук

К 55-ЛЕТИЮ НАЧАЛА НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ В АЛЖИРЕ

Зачем вспоминают о Войне? Почему так долго помнят войны? Наверное, главным образом потому, чтобы, переживая время страданий человека, не дать ему больше пережить сами страдания, приносимые гибелью родных и близких, разрушением пространства жизни, потерей свободы, воцарением страха. Война беспощадна. Война ужасна. И не только в деструкции окружающей человека привычной ему реальности (метафора этого кошмара, как сгусток его, - и в «Гернике» Пикассо, и в диссонансах «Большого вальса» Равеля, и «Марша» из VII симфонии Шостаковича, - лучше не напишешь, не выразишь, не передашь...). Ужас войны - и в ожидании страха, в жути тишины после воя сирены (сигнала воздушной тревоги), страха за свою жизнь и за жизнь близких, ушедших сражаться. Кто знает, тот поймет. И кто помнит, тот знает, как беспощадна память.

Я нашу войну помню и шестьдесят с лишним лет спустя, а потому понимаю тех, кто не прекращает так или иначе свидетельствовать о ее кошмаре, не может забыть о ней, помнит, во имя чего она свершалась.

Полвека хранит память о своей войне и алжирка Маисса Бей (род. в 1950 г.). (Но ее Война - и мне не чужда: я жила в Алжире, только что вышедшем из этого испытания.) Она увидела лицо войны, когда ей было около семи. По-настоящему пережила все страдания, которые выпали на долю ее семьи, когда узнала, уже взрослой, что ее отец мученически погиб. Его, учителя средней школы в маленьком городке на

юге Алжира, схватили французские солдаты, пытали, добываясь, чтоб он выдал имена и адреса других «повстанцев», участвовавших во всеобщей забастовке алжирцев, а потом расстреляли без суда и следствия, «при попытке к бегству», как и других мужчин из его семьи, свалили трупы в грузовик и увезли в горы, чтоб партизанам было «наглядно», какая и их ждет расправа...

Мать сохранила фотографии мужа, его письма еще «мирных времен», выданное ему инспектором Алжирской Академии образования уведомление о назначении в г. Богари учителем средней школы. Французы ценили тогда свои кадры из «местной» интеллигенции, говорившей свободно и на их, и на «своих» языках: общаться в глубинке с детьми арабов и кабиллов удавалось не всем колонизаторам-миссионерам, пытавшимся ассимилировать «туземцев».

И хотя сама по себе неплохая задача повсеместного приобщения колонизированных к западной цивилизации имела конечной целью воспитание граждан, сознательно послушных воле новых хозяев земли, колониальная «аккультурация» обернулась совсем иной стороной для колониализма, ускорив осознание в колонизированных своей и чужой различности, понимания несовместимости своих и чужих интересов на этой земле, где полноправными людьми оказались ее захватчики. Захват Алжира случился за сто с лишним лет до начала войны за независимость (1954-1962 гг.), и столь долгое терпение алжирцев, видимо, обнадеживало французов, упорно проводивших поли-

тику их «приобщения» к своей цивилизации...

Но столь медленное вызревание политического самосознания привело народ Алжира к мощному взрыву повсеместного недовольства и к резкой ответной реакции французов: началась кровавая борьба «повстанцев», уходивших в горы, становившихся партизанами, сражавшимися с регулярной французской армией¹.

Документальные факты биографии писательницы М.Бей, так или иначе, отражены в ее творчестве и стали основой конфликта в ее повести «Услышьте, Горы!...»², написанной для напоминания об Алжирской войне тому поколению, которое не просто не знает о ней всей правды, как насмерть стояли друг против друга два мира, живших столетие на одной земле, где каждый из них считал ее «своей» и воевал за свое пространство. И сейчас, уже более чем полвека спустя, вернувшиеся из Алжира французы, не простив «позора» ухода Франции из Северной Африки, ностальгируют по этой земле, по «ее солнцу», называя ее своей родиной³.

И не случайно поэтому, что один из персонажей повести Маиссы Бей «Услышьте, Горы!», пожилой француз, вспоминая о своем участии в Алжирской войне (его, тогда двадцатилетнего, отправили из Франции на фронт в Алжир сражаться за свою Отчизну), воспроизводит в памяти не только жестокие картины расправ с повстанцами, но и «обрывки» тех песен, которыми подбадривали себя французские солдаты, воевавшие именно за свободу Франции:

*«Это мы! Африканцы⁴
Из далеких колоний!..
Поднялись мы свирепо
на защиту Страны!
Пусть услышат долины
грохот марша
бесстрашных!..»*

Сказанное выше о французах-«африканцах» объясняет и «свирепость» их «марша» («marche féroce»), жестокость и затяжной характер войны с Алжиром, и смысл защиты «страны» (pays), понимаемой как Франция именно в *целокупности* со своими «заморскими территориями».

Кого называли в годы войны в Алжире «Бандитами Атласа», «Ночными львами» (названия книг алжирского прозаика А.Бунемера⁵)? Сражавшихся в горах партизан, «засады» которых и ночные «вылазки» были главной угрозой для французских солдат, проводивших «зачистки» горных деревень, откуда и шли «партизанские тропы»... Об этом - вся алжирская литература о войне за независимость, вся поэзия, весь фольклор тех, «пламенных лет». Начиная с «Молчания пепла» Каддура М'Хамсаджи⁶, включая «Пляску смерти» М.Дибя⁷, вплоть до «Разлома» Р.Буджедры⁸ и сегодняшних книг об этой Войне, в том числе и повести М.Бей «Услышьте, Горы». Горы в современной алжирской литературе стали символом самой партизанской борьбы с колонизаторами, угнетателями народа этой земли (их и «чужеземцами»-то, и «посторонними»-то не назовешь, разве что в том, экзистенциальном, смысле, которым Альбер Камю, сам «родом из Алжира», наделил героя своего знаменитого романа «Чужой»⁹).

Война прекратилась почти через восемь лет - долгих, кровавых, взаиможестоких. Теперь, вспоминая о том времени, француз, оказавшийся в одном купе поезда с героиней повести М.Бей, алжиркой (он это понял сразу: не только по смуглости ее кожи, но и по характерным кабийским сергам, - а он хорошо помнил край,

где воевал когда-то), осознает это в полной мере:

«...Это, конечно, была его война. Настоящая. Хотя в жизни его отца тоже была настоящая война. И он шел на нее сражаться за родину и пел “Марсельезу”... Как пел ее и дед еще в Первой мировой, как пели и многие другие поколения французов, попадавших в подчас трагические ловушки Истории... Да, ему было всего двадцать, и в его жизни тоже случилась война... Настоящая... Столь же настоящая и столь же ужасная, как и все предыдущие. Все войны ужасны в глазах тех, кто в них участвует. И тех, кто ведет во имя Бога или Цивилизации, Родины или Свободы, или Революции... Только эпитеты меняются: религиозные, великие, освободительные, захватнические, гражданские войны... Неважно, на чьей стороне вы воюете, надо себя постоянно убеждать, что именно твоя сторона права, что ты сражаешься во имя праведного дела, и что насилие и жестокость - это порой необходимость, без них не обойтись на войне... Главное, не задавать себе слишком много вопросов... Поля сражений всегда усеяны трупами героев... И надо идти на смерть, запевая победные марши, высоко и гордо неся свое знамя... Иначе...

...Чертова война! Грязная война! Но разве бывают чистые войны? Разве что в устах тех, кто разглагольствуют о войне в кабинетах или салонах, на собраниях или под вспышками фотокамер или светом прожекторов для съемок в кино...» (с. 52-53).

Он вспомнит эти страдания, вспомнит и как пытал, и как убивал, и как расстреливал, и как сбрасывал трупы с грузовика в лесу, и как сам мучился от жары и беспощадно палящего солнца летом, и зимней стужи в горах, от боли в ногах при ходьбе по камням горных троп, резких ожогов трав и уколов шипами колючих кустарников... От страха неизвестности, неожиданности ударов врага, от стыда за содеянное им и его товарищами «зло», за безмерные страдания людей, перенося-

щих пытки и унижения человеческого достоинства... Память, как оказалось, хранила видения Войны в своей глубине, и они там застряли почти «нетронутые» временем и попытками всеобщего забвения прошлого.

...Парадокс, но практически вся современная алжирская эмиграция (политическая, в основном, в отличие от «трудовой» - начала и середины XX в.) переместилась именно во Францию, - туда, куда ушли и вытесненные «повстанцами» ненавистные колонизаторы. Но куда же еще? Одно - общее - море, одна, объединившая всех «средиземноморцев», цивилизация, один язык, ставший почти родным, как кабийский или арабский. (Замечу, кстати, что и многие колонисты, pieds-noirs, французы особенно, знали, в зависимости от местности, где хозяйствовали, тот или иной язык Алжира...) «Убежище», однако, оказалось и не особо гостеприимным (это и понятно - «слишком много в стране “арабов”»), да и не особо надежным (не все забыли о «позоре ухода Франции» из Алжира, не все простили алжирцев, и не все «списали» на войну).

Среди «обычных» французов, «обывателей» (а ведь таких большинство!) весьма распространено мнение, и не без оснований, замечу я, что многие сегодняшние «неприятности» (воровство, наркомания, хулиганство, уличные драки, городские «беспорядки» - поджоги машин, разбитые витрины и т.д. и т.п. - сколько об этом пишут и говорят каждую осень или весну!) связаны именно с «арабами». Но как же иначе?

Даже если они, эти «арабы», и родились уже здесь, но учатся все еще хуже других детей (ведь дома приходится говорить по-арабски!), живут в кварталах бедняцких, на окраинах, в густо населенных домах и кварталах, родители их зарабатывают немного (даже если считают, что собирают здесь «манну небесную» в сравнении с нищетой и безработицей, от которой бежали из своей страны...), а потому эти «дети окраин» мстят

обществу, позволившему их изгойство, их «второсортность», их «лишнюю» для него энергию, находящую выход в кипящих мести и ненавистью стычках, организованных погромах, уличных беспорядках... Их ловят, бьют, высылают даже из страны, грозят «зачистками» всех иммигрантских гетто (и такие случаются!), установлением «жестких квот» для всё прибывающих и прибывающих в страну североафриканских (и африканских в целом) иммигрантов... Всех не накажешь, не пересажаешь в тюрьмы, не вышлешь из страны (она, ведь, окажется без «рабочей силы»...). И они, «арабы», это знают, но продолжают демонстрировать свою «разность» с другими, забывая что ли о «гостеприимстве» «принимающего» их общества?...¹⁰

Вот и в повести Маиссы Бей именно о них, «арабах», прежде всего подумала пассажирка, у которой кто-то хотел похитить сумку... И снова это слово - «арабы» - прозвучало для героини сигналом тревоги, обрушив на нее не только новую волну уже почти забытого страха войны, но и остроту внезапно возникшего ощущения своей абсолютной чуждости сидевшим с ней рядом попутчикам-французам...

Хотя, как оказалось (в почти неправдоподобной драматургии повествования, где дочь «мученика» той войны и его палач оказались мирно сидящими друг против друга в одном купе), именно не избывающая память об общем прошлом в душе разных и чужих друг другу людей и есть та связующая их нить в настоящем времени, еще исполненном отзвуками того Пожара, который опалил так или иначе их жизнь. Поколение воевавших на одной земле «своих» и «чужих» и поколение, бежавшее от «своих» же врагов к бывшим врагам своей земли, вспоминая принесенные в жертву войне «разных» миров жизни (героиня - отца, ее сосед по купе - своих товарищей), очевидно, ненавидят саму войну как таковую. Он - за страх смерти, «вживую» увиденную на лицах тех, кого до-

прашивал и в кого стрелял; за стыд унижения Человека, за осознание *бессмысленности* причиняемых ему страданий. Она - за боль утрат, за снова залитую кровью страну, которая так и не «очистилась» в ней и не сумела защитить свою же, когда-то добытую «ушедшими в горы» желанную всеми свободу...

И хотя попутчик догадался (а потом, на прощание, уже выходя из поезда, сказал, что «узнал ее по глазам»), что она - дочь того самого учителя-алжирца, которого ему, «офицеру, выполнявшему приказ», «пришлось когда-то допрашивать» (и он тогда удивился, что тот, араб, говорит «почти без акцента»...), - уходил он после этой случайной встречи с дочерью бывшего врага своего не как враг, но как испытывавший муки совести человек, понимающий саму *абсурдность* войны людей...

Соседка его по купе тоже догадалась по его «алжирским» воспоминаниям, что человек этот не может не знать о гибели ее отца, а может быть, даже и каким-то образом сам причастен к его убийству. Попутчик подтвердил, что «знает ее городок», откуда она была родом, что действительно сражался с «повстанцами». Но всё вновь пережитое, всё услышанное ею, и как бы даже увиденное *его глазами*, и почти подтверждающее ее догадку, не разожгло в ней пожара ненависти или мести. Но еще не остывшие угли под пеплом сторевавших надежд и иллюзий Прошлого, разрушенного Войной, сожгли *занавес молчания*, воцарившегося поначалу в купе, где оказались случайно три таких разных пассажира.

Третьим в купе была молодая девушка по имени Мария. И она, слушая трудно складывавшийся диалог воспоминаний своих старших попутчиков, поняла, что ничего об Алжире не знает, кроме «как чьих-то рассказов о его ярком солнце», «синем море» и неопишуемой красоте его долин и гор... Да еще, пожалуй, о том (дед рассказывал!), что там «роскошная рыбалка». Вот и всё, что знала Мария впридачу к урокам

школьной географии... Но молодая, «спортивного вида» девушка, внезапно (и случайно) соприкоснувшись с историей, рассказанной ее участниками и очевидцами, вдруг поняла коварство умысла, царившего в ее стране «умолчания» истинного Прошлого и ее родины, и родины той женщины, что вздрогнула при слове «арабы!», и своего «соотечественника», чья молодость прошла в кошмаре ожидания Смерти и мести в Алжире...

Знать о «позоре колониализма», о потере Африки, о стыде поражения в Алжирской войне, - это, возможно, для «молодых французов» и необязательно: зачем печалить их сегодняшнее благополучное и благопристойное существование? Без войн, почти без колоний и прочих смущающих души обстоятельств, живущих под знаменем Свободы, Равенства и Братства людей... Но нельзя же, в самом деле, полагать, - возмущалась Мария, - что незнание молодежью совсем недавнего Прошлого своей страны только «на совести» учебников, школы, телевидения и радио! Куда смотрят поколения отцов и дедов? В Будущее? Но разве его могут созидать те, кто не знает правды о том, за что и как сражались люди, какие мучения претерпевали они, и почему «любая война - обман и ужас»...

Спутники расстанутся, каждый выйдет на своей станции. Но если двум из них суждено оставшуюся жизнь все-таки прожить с грузом воспоминаний о прошлом, связавшем их народы и перекинувшем нити этой горькой, но тесной связи и в настоящее, то Марии придется встретить новый день, избавившись от «слепоты» своей и «немоты» окружавшего ее мира. Может быть, обретенное в пути Знание о страданиях человеческих будет спасительно для нее и ее поколения, которому предстоит дорога в Будущее. С какими идеалами оно войдет в эту неведомую Даль Времени?

...Мне кажется, писательница не случайно выбрала для девушки имя - Мария, как не случайно

доверила в своей повести именно женщине разбудить и передать Память о Прошлом, хранить ее в Настоящем и пытаться продлить ее в Будущее. Ненароком обретенное Марией Знание о жестокости Войны людей как бы дано ей «во спасение», чтобы избавить будущий мир от страданий войны вообще. Как в лоне той Марии

был непорочно зачат задуманный творцом мира Спаситель человечества, завещающий ему только Любовь...

Именно женщины-писательницы, и Маисса Бей в их числе, пытаются «очистить» оставшееся пространство Жизни памятью о своих отцах, о высоких идеалах борьбы за Независимость, заста-

вить услышать Горы, заставить поверить, что в «сон разума», породивший «интегрისტское безумие», не может погрузиться вся страна, что мрак неизбежно рассеется и Свет нового дня избавит людей от чудовища Войны. Услышьте их, Горы!...

¹ В которой, надо заметить, было немало рекрутов-алжирцев: нищета заставляла их служить солдатами, спасая мизерным заработком от голода свои семьи, оставшиеся в деревнях. Освободившийся от власти колонизаторов Алжир не простит ни одного оставшегося в живых «харки» - алжирского солдата французской армии, даже понимая причины такого «раскола» среди простого народа. Их публичные казни первых лет независимости только накаляли градус патриотизма. Маиссе Бей, франкоязычной писательнице, дочери учителя, преподававшего в «светской» школе, учрежденной французами, отдавшего жизнь в войне за независимость, пришлось уехать из родной страны в годы исламистского террора (в конце 80-х гг. XX в.), связанного с причинами и политического, и экономического свойства (см. напр., книгу Ассии Джебар «Белый траур Алжира» - *Djebar A. Le blanc de l'Algérie*. P., 1996).

² *Bey M. Entendez - vous dans les montagnes...* P., 2002.

³ О судьбе «черноногих» французов («pieds-noirs») написано немало, и это отдельная проблема в истории и культуре Франции. (Бестселлер 2008 г. во Франции - роман Ясмینی Хадры (псевдоним известного алжирца М.Мессеуля) «*Ce que le jour doit à la nuit*» («То, что день должен ночи») посвящен именно трагедии разрыва французов с Алжиром.) Но интересно, что молодые этнические североафриканцы, алжирцы, особенно живущие во Франции уже во втором или

даже третьем поколении, выходцы из семей *иммигрантов*, соотносят свою судьбу с судьбой «pieds-noirs», которые продолжают себя называть «алжирцами» не только по рождению, но и «по призванию» (см., напр., повесть Азуза Бегаса «Остров тех, кто отсюда родом» - *Begag A. L'île des gens d'ici*. P., 2006).

⁴ Во французской армии служили, не только «метрополитенные» французы, но и «местные» жители колоний европейского происхождения, включая и «исконных» представителей «заморских земель» - марокканцев, алжирцев, сенегальцев, камерунцев и др. Все они и называли себя «африканцами».

⁵ *Bounemour A. Les Bandits de l'Atlas*. P., 1983 ; *Les lions de la nuit*. P., 1985.

⁶ *M'Hamsadji K. Le silence des cendres*. P., 1954.

⁷ *Dib M. La danse du Roi*. P., 1968.

⁸ *Boudjedra R. Le démentèlement*. P., 1982.

⁹ Названия «L'Etranger» лучше переводить именно как «Посторонний», что подчеркивает степень отчуждения, существовавшую между алжирскими «арабами» и французами.

¹⁰ О серьезности и драматичности проблемы культурных и социальных различий выходцев из иммигрантских слоев и окружающего их «контекста» Франции, что приводит зачастую к политической напряженности, см. в сб. ст. «Полиэтнические общества». ИВ РАН, 2004.

Музыкально-исполнительская культура Японии с открытием страны для контактов с Западом в 1868 г. и провозглашением политики модернизации японского общества развивается в двух основных направлениях: как традиционная и как культура европейского типа, поскольку в конце XIX в. начинаются реформы музыкального образования, особенно заметные в период 1910-1925 гг., когда в стране усиливается восприятие западной культуры.

СОВРЕМЕННАЯ МУЗЫКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА ЯПОНИИ

А.В. ЖУКОВА

Член Европейской Ассоциации японских исследований,
хореограф-постановщик

Изукая европейскую и северо-американскую музыку, балет, современный танец, европейскую оперу и драматический театр (как драматургию, так и исполнительское мастерство), японцы стали создавать собственные музыкальные произведения, соответ-

ствующие европейским стандартам.

Параллельно с бережно сохраняемой традиционной в Японии сформировалась музыкально-исполнительская культура европейского типа. Вместе с тем, современное японское музыкально-исполнительское искусство состав-

ляет неотъемлемую часть традиционной культуры и основывается на общей с ней философии и национальных традициях.

Понятие «традиционное музыкально-исполнительское искусство Японии» синкретично, оно вбирает в себя такие составляющие, как: танец¹ и визуаль-